

СОДЕРЖАНИЕ

7	ОТ АВТОРА
12	КОЛЯ
16	«ВОТ ОНИ»
22	ИСТОРИЯ АЛЕКСЕЯ
26	ОХРАНЯЮЩИЕ
34	БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ
42	СВИДЕТЕЛЬ
48	СЛЕДОВАТЕЛЬ
54	СТУКАЧ
60	БОМЖ
64	ОБИЖЕННЫЙ
70	НАЦИСТ
78	САМОУБИЙЦА
84	ИСТОРИЯ РОМЫ
88	СЛЕДСТВИЕ РАЗБЕРЕТСЯ
94	НАРКОМАН
98	ВОР
104	КРЫСА
110	ДВЕ СТОРОНЫ БЕЗЗАКОНИЯ
116	ОТЕЦ
120	ПРЕДАТЕЛЬСТВО
126	АМНИСТИЯ

О Т А В Т О Р А

или

Как я хотел написать о своем
впечатлении от концерта классической
музыки

Много раз в тюрьме, позже — в лагере, потом — снова в тюрьме, а потом — снова в лагере мне хотелось послушать классическую музыку вживую. Как-то не довелось до этого, какая-то сумасшедше-суматошная жизнь была. Еще очень хотелось совсем в другой обстановке читать и обсуждать прочитанное — в то время собеседника частенько заменял лист бумаги. А теперь вот совсем нет желания писать про «ту» мою внутритюремную жизнь.

Но настойчивый редактор попросила написать предисловие к книге, созданной в условиях, отличных от тех, в которых я сейчас нахожусь.

Задача не из легких, потому как, перечитывая то, что было написано за последние десять с лишним лет моей тюрьмы, невольно снова и снова переживаешь ту жизнь, которая казалась мне «навсегда».

25 октября 2003 года, в день моего ареста, мне даже и в голову не могло прийти, что запомнившиеся подробности, пусть даже и мелкого, бытового характера, кого-то еще заинтересуют. Пережил? И ладно. К тому же, будучи человеком глубоко технократичным и совсем не гуманитарного склада ума, всегда раньше относился к чтению, как к некоему обязательному набору получения необходи-

мой информации или понуждения к мыслительному процессу. Да и сейчас, положив руку на сердце, могу честно сам себе признаться: ну какой из меня писатель?! ☺

Помню ли я собственный арест в деталях? Скорее нет, чем да. Вернее, я помню, что думал о совсем другом, нежели о том, что описывается во всех замечательных книгах, которые нам дают читать в школе.

Помню, что не было злости от собственного упрямства. Да и упрямства-то не было. Растерянность и ощущение неопределенности мне вообще не свойственно.

Думал о родителях, жене, детях. Пытался понять, что и как будет с компанией. Точно думал о том, что могут быть допросы с использованием психотропных средств, как у моего коллеги Пичугина, — подсунут что-либо в пищу и проведут видеозапись. Поэтому старался первое время не есть и очень аккуратно пить, хотя страха не было, это точно... Диковинно набирать сейчас буквы в слова на компьютере, оставив привычку писать урывками на листочках.

Часто спрашивали и продолжают спрашивать, сколько раз в день, в неделю, в месяц, в год

у меня была возможность пользоваться Интернетом, компьютером и прочими благами технического прогресса. Отвечаю — за десять с лишним лет у меня такой возможности не было! Некоторые современные лидеры оппозиции даже удивлялись моей информированности в нашей переписке, не веря тому, что я в камере без компьютера и Интернета. Удивлялись ровно до той поры, пока сами не получали десять суток ареста — этого хватало сполна для понимания...☺

То, что читатель сейчас держит в руках, — это попытка показать мир, недоступный для понимания большинства обычных людей, мир прошлого, комфортного для одних и дискомфортного для других, соседствующий в моей стране с настоящим, как будто нет технического прогресса и достижений цивилизации. Но в России все, читавшие Солженицына и Шаламова, равно как и никогда не слышавшие имен этих великих писателей, генетически, на подкорке головного мозга держат пословицу, что от сумы да от тюрьмы зарекаться нельзя.

Подчиняясь внутренней дисциплине, привитой мне родителями с детства, и не думая о своем выходе в ближайшей перспективе, я загружал себя умственной работой, обширной перепиской и заочными спорами, писал тюремные

рассказы о том, что видел сам, о том, что узнал
и что может быть с каждым. О стране, в которой
живет наш замечательный народ в бесправии
и нищете, и о той России, которой можно
будет гордиться без привкуса стыда и которая
в конце концов пойдет дорогой европейской
цивилизации. Нашей общей дорогой.

Можно

... можно за ...

ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ЛЕТ
В ТЮРЬМЕ Я ДАЛЕК ОТ
ИДЕАЛИЗАЦИИ ТЕХ, С КЕМ
ДОВОЛЕЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ.
ОДНАКО У МНОГИХ
СИДЕЛЬЦЕВ ЕСТЬ ПРИНЦИПЫ.
ПРАВИЛЬНЫЕ С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ ОБЩЕСТВА ИЛИ НЕТ?
ПО-РАЗНОМУ. НО ЭТО ИМЕННО
ПРИНЦИПЫ, ЗА КОТОРЫЕ
ЛЮДИ ГОТОВЫ СТРАДАТЬ.
И ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

шо за

КОЛЯ

бывал

... бивать ...

Как-то довелось мне провожать на свободу ничем не примечательного молодого человека Николая. Николай сидел по так называемой «народной статье» — за хранение наркотиков. Таких в тюрьмах почти половина.

Было ясно, что он вернется, поскольку за свою недолгую 23-летнюю жизнь успел пять лет провести «за колючкой». Не собирался он отказываться от такой жизни и дальше. Хотя парень откровенно неглупый, но с детства впитавший ощущение своей отверженности, ненужности и привыкший бороться с ним в коллективе таких же отверженных.

Проходит полгода, и я встречаю Колю снова, но уже с жутким шрамом на животе.

— Коля, что случилось?

— Да, опять прихватили с «химкой».

И здесь Коля мнетя, но все же рассказывает историю, которую потом подтвердили те, кто был очевидцем. Прихватив многократно сидевшего человека, оперативники решили списать на него «до кучи» еще какое-нибудь дело. Разговоры такого рода происходят часто и бывают достаточно откровенными: тебе, мол, добавят только два года, мы судью

попросим, но ты возьми на себя какой-нибудь грабеж — и получишь свидание или зону на выбор. Обычно речь идет о вырванном из чьих-нибудь рук мобильнике. Коля, недолго думая, согласился. Но на опознание привели пожилую пенсионерку, у которой какой-то подлец выхватил сумочку с двумя тысячами рублей. Бабка, конечно, ничего не запомнила и легко «опознала» того, на кого ей указали оперативники.

И здесь Коля вдруг уперся: «Я никогда старших не задевал, только ровесников. Отнимать последнее у старухи — нет, на это я не подписывался и не буду. Хоть убивайте!» Оперативники обалдели: «Коля, это по закону то же самое. И сумма та же, и срок. Чего ты упираешься? Мы же не можем все переигрывать из-за твоей блажи».

— Нет, — говорит Коля.

И его отправляют в камеру — «подумать», слегка избив «для порядка».

Через короткое время он стучит в дверь, а когда открывается «кормушка» — туда вылетают кишки. Коля «вскрылся», причем по-настоящему. Настоящее хакари. Шрам толщиной в палец и в полживота длиной.

Пока бежали врачи, камера пыталась затолкать выпавшие внутренности обратно...

Спасли его чудом. Теперь он — инвалид, но не жалеет: «Если бы старухину сумку на меня "повесили", я бы так и так помер», — говорит Коля, имея в виду свое самоуважение, без которого жизни себе не мыслит.

Я смотрю на этого многократно судимого человека и с горечью думаю о многих людях на свободе, которые ценят свою честь гораздо дешевле, а отнять пару тысяч у старика или старухи вообще особым грехом не считают. Пусть грабеж и прикрыт умными словами. Им не стыдно.

И я невольно горжусь Колей.

Часто становится буквально жутко от ощущения бездарно растрачиваемых человеческих жизней. Судеб, сломанных своими руками или бездушной Системой.

« В О Т О Н И »

ногами

... ногами, ...

Тюремная судьба свела меня с 30-летним парнем, находящимся под судом по обвинению в сбыте наркотиков.

Сергей — наркоман «со стажем», хотя по нему это трудно заметить. Выглядит чуть моложе своих лет, очень подвижен, образован. Цыган по матери и русский по отцу, что создало очень интересную в культурном смысле ситуацию. Матери пришлось уйти из табора, и она работает врачом-рентгенологом в больнице.

Парень говорит по-цыгански, знает традиции, общается с диаспорой, но сам себя к ней не относит. Употребляет наркотики давно (как большинство молодежи в его поселке), но имея привитую в семье медицинскую культуру и сильную волю, тщательно следит за чистотой «продукта», не забывает правильно питаться и регулярно «перекумаривается», то есть воздерживается от приема несколько недель — снижает требуемую дозу.

Собственно, ко мне в камеру он попросился сам, чтобы очередной раз «перекумариться», поскольку остальная тюрьма этому, по его словам, «не способствует». Несколько дней ему было откровенно тяжело, потом отпустило, и он рассказал свою историю, похожую на десятки других: употреблял, покупал у одного

дилера, милиция потребовала сдать поставщика, он отказался, его подставили, представив сбытчиком. Сейчас ездит в суд, дадут лет 8–12, хотя он ничего не продавал. Меченые деньги подсунули, наркотики вообще неизвестно откуда.

Таких сказок я слышал море. Вежливо покивал, и на этом разговор закончился.

Прошло несколько дней. Неожиданно Сергей приезжает из суда, явно в шоке. Оказывается, приводили свидетеля — того, кто его подставил. Свидетелю 50 лет. Его тоже арестовали по какому-то другому делу и обследовали в тюремной больничке. Обнаружили неизлечимое заболевание. Выйдя на трибуну, человек рассказал свою ситуацию. А потом заявляет — срок, мол, мой такой, что умру я в тюрьме. Умру скоро. Грехов на душе много, и еще один брат не желаю. Расскажу правду, пусть убивают, уже не боюсь. И потом 40 минут о том, как подставлял, как торговал наркотиками по поручению милиционеров, как отдавал им деньги, как убирали конкурентов и клиентов конкурентов. В зале скопилась публика из коридора. Все слушают в мертвой тишине эту жуткую исповедь. А человек показывает пальцем на сидящих там оперов и говорит — «вот они». Те встают

и пытаются выйти. Судебный пристав их не пускает, «может, судья вас задержит». Судья останавливает заседание и очищает зал. Через несколько минут в камеру к Сергею заходит его адвокат и говорит: «Зовет судья».

— Что ты хочешь?

— Понятно что, свободу.

— Так не бывает, — говорит адвокат и выходит. Возвращается через час.

— Тебе предлагают шесть лет.

— Не пойдет.

Адвокат уходит, возвращается совсем скоро.

— Три года, больше года ты уже отсидел, уйдешь по УДО.

— Согласен.

— Ну что? — спрашиваю я у Сергея.

— Три года, приговор завтра. Может быть, надо было стоять до конца?

— Нет, Сергей, ты принял верное решение. Система по-другому не работает.

«Завтра» были три года и заявление на УДО.
Через неделю мы расстались. Он уверял,
что вернется на свою работу — рабочего
на железной дороге — и завяжет с наркотой.
Я пожелал ему удачи.

Такая Система. Такие люди. До Порога.
На Пороге. Который всех нас когда-то ждет.

когда

... когда суд...

2. 2020

И С Т О Р И Я
А Л Е К С Е Я

готов

... ГОТОВ ...

Сегодня в обществе очень сильны настроения против педофилов. И неудивительно. Явление поистине кошмарное. Результат развращенности пресыщенных людей, ощущающих свою безнаказанность.

Как обычно, политики пользуются любой ситуацией для повышения своих рейтингов. Но «палочная система» при отсутствии реальной судебной защиты порождает не менее чудовищные по последствиям злоупотребления.

Я был знаком с парнем, отбывавшим срок по «педофильской» статье, которому последовательно отказывали во всех прошениях об УДО и снижении срока.

Алексей попал в тюрьму в 19 лет. Сейчас ему 22. Молодой, симпатичный, без наколок и других «тюремных особенностей». Работяга, творит чудеса на стареньком токарном станке.

Его история проста: в подростковом возрасте получил условную судимость. За грабеж. Собственно, ничего необычного — по пьяной лавочке отобрал мобильник у знакомого, через час задержали. Дали четыре года условно.

До сих пор жутко смущается, когда я называю его «разбойником» и прошу объяснить зачем.

За тот случай ему явно стыдно. Даже рассказывать не хочет.

Прошло два года, он учился. В 18 лет познакомился на дискотеке с девушкой — несовершеннолетней. Они стали жить вместе. Дома у ее родителей. Надеялись пожениться, когда будет можно. Но началась кампания по борьбе с педофилией. Поселок небольшой, все всё знают. Участковому потребовалась «палка», и он дал делу ход. И бесполезно писали обращения родители девушки, рыдала на суде сама несостоявшаяся невеста. Судья «все понимала», но у нее тоже «палочная система» и кампания.

Итог — пять лет с учетом неотбытого условного срока.

Это — минимум того, что судья могла дать, не считая факта, что приговор несправедлив в принципе.

Два года Ира ждала Алексея. Они надеялись, что суд пересмотрит дело, что отпустят по УДО. Увы, стало очевидно — никто из бюрократов не решится пойти против «линии».

Даже свидания были невозможны. Через два года Леша написал Ире: не жди. И перестал отвечать на ее письма.

Я смотрю в его глаза. Нет, там нет влаги — там уже застарелое, глубоко скрытое отчаяние.

Сильный, добродушный парень, какими бывают именно сильные и простые люди.

Его лишили не свободы — счастья.

Он не ропщет, воспринимает тех, кто старше, кто «начальник», как стихию. Пришла волна и оставила на берегу — одного, без дома, без семьи.

Что тут поделаешь?

А мне горько от этой безнадеги, от безжалостности нашей системы, от воплей людей, не желающих знать правду и требующих одного: «Распяты!!!»

Люди, остановитесь, оглянитесь! Не все так просто и однозначно. Таких несчастных только на моем пути встретилось немало. Некоторых ждут. Ждут долго. Они играют свадьбы.

В тюрьме. В семьях появляются дети.

А отцы продолжают сидеть как педофилы.

Что мы за люди, раз допускаем такое?

О Х Р А Н Я Ю Щ И Е

покры

... по кры ...

Я пишу эти заметки, поскольку хочу передать небезразличным людям то, что ощутил сам, попав в тюрьму.

По прошествии времени, из обычной жертвы превратившись в заинтересованного наблюдателя, я обнаружил, что тюремный контингент для многих остается terra incognita. А ведь здесь — каждый сотый житель нашей страны, через тюрьму проходит каждый десятый (если уже не каждый седьмой) мужчина.

Причем тюрьма одинаково кошмарно влияет на большинство и «сидельцев», и «охраняющих». И еще неизвестно, на кого больше.

Обществу что-то надо делать с этой бедой. А для начала о ней надо знать.

Сегодняшний мой рассказ — об «охраняющих».

Сергей Сергеевич

Свободнее прочих в тюрьме ощущают себя сотрудники оперативного отдела. В просторечии — опера. Их официальная задача — предотвращать задуманные преступления и раскрывать уже совершенные. Поэтому они мало ограничены тюремными правилами.

Зуботычины и многочасовые разговоры, мобильные телефоны и наркотики — вот далеко не полный список их обычного арсенала.

Опера, как правило, — люди, умеющие и любящие общаться. И говорить, и слушать. Впрочем, бывают исключения.

27-летний начальник оперативного отдела по фамилии Пельше, чье труднопроизносимое имя-отчество по общему согласию давно упростили до Сергея Сергеевича, разговаривать не любит. Упершись в лицо собеседника характерными прозрачно-льдыстыми глазами, он отчаянно «буксует» в плену похмыкиваний и междометий. Пока трезв.

Собственно, трезвым он бывает редко. Горящие, как стоп-сигналы, слегка оттопыренные уши и легкий запах гарантируют хорошее настроение и гладкую речь их обладателя. Одновременно предупреждая неосторожных: «Не болтай». Профессиональная оперская память алкоголем не выключается.

Впрочем, уж совсем неразговорчивым собеседникам Сергей Сергеевич вполне

может помочь своими, далеко не легкими, кулаками. Бьет он профессионально — следов минимум, а человек неделю охает и писает кровью. Большим грехом здесь такой «разговор» не считают. Общее мнение — не зверь, «вольные опера» работают гораздо жестче.

Помимо кулаков Сергей Сергеевич может и чаем с конфетами угостить, и сигарет дать, и даже позвонить по своему мобильнику позволит. Телефончик, конечно, потом перепишет себе в память.

Приезжающие комиссии Сергей Сергеевич воспринимает, как неизбежное зло. В чем не отличается от всех прочих обитателей колонии. Деньги, чтобы кормить эти многочисленные комиссии, Сергей Сергеевич, как правило, собирает с сотрудников. Но если дело близится к получке, то может послать за «поддержкой» к «сидельцам».

Арестанты к проблеме относятся с пониманием и скидываются. Впрочем, иногда вместо этого просят «продать» обратно что-либо из ранее отнятого — обычно телефон или какой-нибудь другой «запрет». Иногда «высокие договаривающиеся стороны» приходят к консенсусу, тогда происходит сделка.

Суду и комиссиям Сергей Сергеевич врет, не задумываясь.

— Сергей Сергеевич, кто написал это объяснение на двух листах? — спрашивает судья.

— Осужденный Бадаев, собственноручно, — четко отвечает Пельше. — Там написано.

— Но Бадаев неграмотный, у него это в личном деле отмечено. Два класса образования!

Молчит Сергей Сергеевич, горят стоп-сигналы... Кто-то может подумать, что ему стыдно. Но мы-то знаем причину. И думает Сергей Сергеевич в это время о своем. Суд ему — «до лампочки». Не «до лампочки» осужденному Бадаеву, но сам Бадаев тоже всем — «до лампочки».

В тяжелые годы реформ представители преступного мира (так называемые смотрящие) кормили тюрьму, предотвращали ненужные конфликты между арестантами, а кроме того, внедряли криминальную идеологию. Теперь тем же занимаются Сергей Сергеевич и его коллеги, фактически готовя будущую «пехоту» преступного мира.

«Ты — не человек, и вокруг тебя — не люди!»
«Слушать надо только начальство и не думать,

исполняя команду!» «Меньше думаешь — лучше живешь!»

Такие «максимы» вбиваются в головы 18–25-летних арестантов. В результате доля возвращающихся назад, в тюрьму, чудовищна. Те, кто остается в нормальной жизни, делают это не благодаря, а вопреки.

Собственно, поэтому никто особо не удивляется, когда поддавший чуть больше обычного Сергей Сергеевич на общем построении орет во всю глотку: «Кто здесь смотрящий?! Я здесь смотрящий!!!»

Действительно, он.

— Сергей Сергеевич, — говорю я, — ведь если вас и ваших коллег поменять местами с нынешними заключенными, разницы никто особо не заметит?

— Не заметит, — соглашается Сергей Сергеевич и, похоже, нимало не огорчен этим обстоятельством. Он такой же, как все.

Безмолвные

Иногда происходящее в тюрьме кажется моделью нашей обычной жизни «за забором»,

доведенной до гротеска. У нас сегодня и на свободе часто трудно отличить рэкетира от сотрудника официальной структуры. Да и есть ли оно, это отличие, для обычного человека?

А мы, те, кто боится отстаивать свои права, кто адаптируется, прикрываясь личиной покорности? Не становится ли наша защитная личина лицом? Не превращаемся ли мы постепенно в рабов безмолвных и безответных, но готовых на любую гнусность по команде «сверху»?

вазь ш

... вать преступ...

Когда я уезжал из колонии, Сергей Сергеевич сам нес мои вещи до машины.

— Не возвращайтесь, пожалуйста, в нашу колонию, — попросил он. — Без вас спокойнее.

Через четыре года колония сгорела дотла.
Ее сожгли те самые безмолвные ээки.

рестуи

Б Е З В И Н Ы
В И Н О В А Т Ы Е

п е н и

... л е н и я и ...